

Глава 1

2011 ГОД: ИНДИВИДУАЛИЗМ или тоталитаризм?

Ведь закон хранит страну, а беззаконие губит.

“Сага о Ньяле”, около 1280 года¹

*Суверенен тот, кто принимает решение
о чрезвычайном положении.*

КАРЛ ШМИТТ, 1922 год²

Идея “политики предопределенности” в том, что идей нет. Те, кто находится под влиянием “политики предопределенности”, отрицают, что идеи важны, и это лишь доказывает, что они во власти могущественной идеи. На флаге “политики предопределенности” написано: альтернатив не существует. А согласиться с этим — значит отвергнуть личную ответственность за способность видеть историю и творить перемены. Жизнь превращается в неосознаваемый путь к заранее выбранному и оплаченному месту на кладбище.

“Вечность” восстает из “предопределенности”, как дух из склепа. Капиталистический вариант “политики предопределенности” (рыночная экономика — это заменитель политики) порождает экономическое неравенство, подрывающее веру в прогресс. Когда социальные лифты застревают, “предопределенность” сменяется “вечностью”, а демократия уступает место олигархии. Олигарх рассказывает небылицы о беспорочном прошлом (может быть, вооружившись фашистскими

¹ Пер. С. Кацнельсона. — *Прим. пер.*

² Пер. Ю. Коринца. — *Прим. пер.*

идеями) и предлагает фиктивную защиту действительно страдающим людям. Вера в то, что техника и технология служат делу освобождения, облегчает ему исполнение этой роли. По мере того, как сосредоточенность уступает место рассеянности, будущее растворяется в печали касательно настоящего, а “вечность” превращается в обыденность. Олигарх из вымышленного мира переходит в настоящую политику и правит, прикрываясь мифом и провоцируя кризис. В 2010-х годах один из таких людей, Владимир Путин, помог другому — Дональду Трампу — пройти путь от фикции до реальной власти.

Россия первой пришла к “политике вечности”, и, экспортируя ее за рубеж, российские лидеры защищают себя и оберегают свое богатство. Олигарх-аншеф Владимир Путин выбрал себе в учителя философа-фашиста Ивана Ильина. Чеслав Милош в 1953 году писал, что “лишь в середине XX века жители многих европейских стран пришли — как правило, через страдание — к пониманию, что сложные, трудные философские книги прямо влияют на их судьбу”. Иван Ильин — автор некоторых из имеющих теперь большой вес философских книг. Воскрешение в 1990 — 2000-х годах российскими властями умершего в 1954 году Ильина вернуло в оборот его книги. Именно в то время фашизм, взятый на вооружение олигархами, помог лидерам страны совершить поворот от “предопределенности” к “вечности”.

Современный Ильину фашизм 1920–30-х годов обладал тремя характерными признаками. Он превозносил волю и насилие над разумом и правом, он утверждал мистическую связь вождя со своим народом и усматривал в глобализации не комплекс проблем, а заговор. Возрожденный в виде “политики вечности” фашизм теперь, в условиях неравенства, выступает катализатором перехода олигархов от общественной дискуссии к политической фикции, от конструктивного голосования — к имитации демократического процесса, от верховенства права — к персоналистскому режиму.

История никогда не заканчивается, и альтернативы имеются всегда. Ильин — одна из таких альтернатив. Но он —

не единственный заметный мыслитель-фашист, воскрешенный нашими современниками. Он проводник на темном пути к несвободе, ведущем от “предопределенности” к “вечности”. Ознакомившись с идеями Ильина и оценив масштаб его влияния, мы сможем окинуть взглядом дорогу, рассмотреть фонари и съезды с нее. Это и означает мыслить исторически: задаться вопросом, какое значение для настоящего могут иметь идеи минувших эпох; сопоставить этап глобализации, современником которого был Ильин, с нынешним этапом; усвоить, что и сейчас, и в прошлом возможны варианты — причем их больше двух. Покров “предопределенности” естественным образом сменяется пеленой “вечности”, но прежде чем эта пелена накроет нас, мы должны найти альтернативы. Выбирая “вечность”, мы жертвуем индивидуальностью и более не видим вариантов. “Вечность” — идея, подразумевающая, что идей нет.

В 1991 году, когда распался СССР, американские адепты “политики предопределенности” провозгласили наступление “конца истории”. Тогда же некоторые россияне, взыскающие новых авторитетов, обратились к имперскому прошлому своей страны. Основанный в 1922 году Советский Союз унаследовал большую часть территории Российской империи. Царские владения тянулись от центра Европы до Тихого океана, от Арктики до Центральной Азии. Хотя в начале XX века население страны по-прежнему состояло в основном из крестьян и кочевников, российский средний класс и интеллигенция размышляли, как модернизировать управляемое самодержцем государство и сделать его справедливее.

Родившийся в 1883 году в дворянской семье Иван Ильин в молодости был типичным представителем своего поколения. В начале 1900-х годов он желал видеть Россию правовым государством. После Первой мировой войны и большевистской революции (1917) Ильин стал воинствующим контрреволюционером, а со временем и автором доктрины противопоставленного большевизму христианского фашизма. В 1922 году,

за несколько месяцев до образования СССР, Ильина выслали из России [на “философском пароходе”]. Работая в Берлине, Ильин предложил врагам СССР план действий. Эти люди, “белые”, вели с “красными” долгую кровавую войну, а после поражения, подобно Ильину, отправились в политическую эмиграцию. Впоследствии Ильин видел в своих работах программу для российских лидеров, которые получат власть после распада СССР. Ильин умер в 1954 году в Швейцарии.

После 1991 года, когда на развалинах СССР появилась Российская Федерация, был переиздан сборник Ильина “Наши задачи”, началась публикация собрания сочинений, а его доктрина приобрела влиятельных сторонников. В 2005 году Путин поручил организовать перезахоронение в Москве праха умершего в неизвестности философа, а в 2006 году велел добыть архив Ильина, после его смерти попавший в Мичиганский университет. К тому времени Путин уже процитировал Ильина в ежегодном послании Федеральному собранию, сочиненном им самим. В 2010-х годах Путин, объясняя, почему Россия покушается на целостность Европейского Союза и напала на Украину, ссылаясь на авторитет Ильина. Когда Путина попросили назвать любимого историка, он назвал Ильина своим авторитетом в исторических вопросах.

Российский политический класс последовал примеру Путина. Ведущий пропагандист Владислав Сурков применил идеи Ильина к миру современных СМИ. Сурков спланировал восхождение Путина и руководил монополизацией рынка СМИ, что обеспечило Путину с виду вечное пребывание у власти. Дмитрий Медведев, формально возглавляющий путинскую партию, порекомендовал Ильина к изучению молодежи. Имя Ильина теперь было на устах лидеров псевдооппозиционных КППРФ и ЛДПР — участвующих, как и советовал Ильин, в поддержании видимости демократии. Ильина цитировал председатель Конституционного суда — несмотря на то, что философ понимал закон как любовь к вождю. Ильина упоминали губернаторы, когда Россия стала милым его сердцу сверхцентрализованным государством. В начале

2014 года члены правящей партии и чиновники получили от Кремля сборник политических работ Ильина. В 2017 году российское ТВ отметило столетнюю годовщину большевистской революции показом фильма, авторы которого изобразили Ильина моральном авторитетом.

Ильин, идеолог “политики вечности”, приобрел большое влияние в 1990 — 2000-х годах, когда в России потерпел крах капиталистический вариант “политики предопределенности”. В 2010-х годах — когда российское государство превратилось в клептократию, а неравенство приобрело ошеломительные масштабы — влияние философа достигло максимума. Российская кампания против США и ЕС обнажила некоторые политические добродетели, которыми Ильин пренебрегал или которые отвергал. В их числе — индивидуализм, сменяемость власти, интеграция, стремление к новому, стремление к истине, равенство.

Впервые Ильин познакомил соотечественников со своими идеями век назад, после революции 1917 года. И все же он стал философом нашего времени. Еще ни одного мыслителя прошлого столетия не реабилитировали с такой помпой в XXI веке, ни один из них не приобрел такое влияние на мировую политику. И если это осталось незамеченным, то лишь оттого, что мы в плену у “предопределенности”: ведь мы считаем, что идеи не имеют значения. Мыслить исторически — значит признавать, что незнакомое может быть важным, и стараться сделать незнакомое знакомым.

Наша “политика предопределенности” повторяет ту, современником которой был Ильин. И период с конца 1980-х до начала 2010 годов, и период с конца 1880-х до начала 1910-х годов были временем глобализации. Считалось тогда и считается теперь, что экономическое развитие, стимулируемое экспортом, принесет просвещенную политику и покончит с фанатизмом. Первая мировая война и последовавшие за ней революции и контрреволюции подорвали оптимизм.

Сам Ильин — один из первых примеров этой тенденции. В молодости он выступал за верховенство права, а позднее перешел в стан правых радикалов, одновременно восхищаясь приемами радикалов левых. Вскоре после высылки Ильина из России бывший социалист Бенито Муссолини повел своих сторонников-фашистов в “поход на Рим”. Философ счел дуче надеждой для растленного мира.

Ильин считал фашизм политикой будущего. В 1920-х годах, в изгнании, его беспокоило то, что итальянцы пришли к фашизму прежде русских, но он утешался мыслью, будто Муссолини вдохновило белое движение, которое “в целом гораздо шире [итальянского] фашизма и по существу глубже фашизма”. Своей “глубиной” и “широтой” фашизм, по Ильину, обязан христианству того рода, которое требует пролития крови врагов Господа. Ильин, считавший в 1920-х годах, что белые эмигранты еще способны вернуть себе власть в России, обращался к ним: “мои белые братья, фашисты”.

Столь же сильное впечатление на Ильина произвел Адольф Гитлер. Хотя Ильин ездил в Италию и отдыхал в Швейцарии, в 1922–1938 годах его домом был Берлин. Там он трудился в [Русском] институте, который финансировало [германское] правительство. Матерью Ильина была немка. Он читал книги Зигмунда Фрейда на языке оригинала, изучал немецкую философию и писал по-немецки столь же хорошо, как и по-русски. Работа его в институте заключалась в редактировании и сочинении критических работ о советской политике (например, “Мир перед пропастью” по-немецки и “Яд большевизма” по-русски, 1931). Ильин видел в Гитлере защитника цивилизации от большевиков. Немецкий фюрер, писал он, “остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе”. Ильин с одобрением отмечал, что антисемитизм Гитлера проистекает из идеологии русского белого движения, и жаловался, что “Европа не понимает национал-социалистического движения”. Нацизм — прежде всего “дух”, которого русские должны причаститься.

В 1938 году Ильин переехал в Швейцарию (где и умер в 1954 году). Ему помогала деньгами супруга американского бизнесмена немецкого происхождения. Кроме того, Ильин зарабатывал лекциями на немецком языке. Их суть, по выражению швейцарского ученого, заключалась в том, что в России следует видеть источник не коммунистической угрозы, как теперь, а будущего христианского спасения. По Ильину, растленный Запад навязал невинной России коммунизм, но однажды она, вооружившись христианским фашизмом, освободит и себя, и других. Швейцарский рецензент назвал книги Ильина “национальными в том отношении, что он противопоставляет себя всему Западу”.

После начала Второй мировой войны политические воззрения Ильина не изменились. В Швейцарии он поддерживал связи с ультраправыми. Рудольф Гроб считал, что Швейцарии следует подражать нацистской Германии. Теофил Сперри принадлежал к группе, которая преследовала евреев и масонов. Альберт Ридвег был правым адвокатом. Его брат Франц стал самым высокопоставленным швейцарцем в нацистском аппарате уничтожения, женился на дочери германского военного министра [Вернера фон Бломберга] и вступил в войска СС. Он участвовал в нападении на Польшу, Францию и СССР. (Последнее событие Ильин считал судом над большевизмом, в ходе которого нацисты должны освободить русских.)

В 1945 году, когда СССР победил и расширил свои владения, Ильин начал писать для будущих поколений русских. Он считал свою работу неярким огнем в темной ночи. С помощью этого огня российские лидеры в 2010-х годах устроили пожар.

Ивана Ильина отличало постоянство. Его первый крупный философский труд, напечатанный по-русски в 1916 году, стал одновременно и последним его крупным философским трудом, изданным по-немецки в 1946 году.

По Ильину, единственным благом являлась предшествовавшая сотворению мира божественная “всеобщность”, “тотальность”, “цельность”. Когда Бог создал мир, единая истина (которой был он сам) раскололась. Ильин делил мир на категориальный (утраченное царство глубокой “всеобщности”) и исторический (человеческий мир конечного, единичного и чувственного). Согласно Ильину, трагедия бытия заключается в том, что из фактов нельзя восстановить божественную всеобщность, а по человеческим страстям и влечениям нельзя судить о божественном замысле. Румынский мыслитель Э.М. Чоран (одно время сам апологет христианского фашизма) объяснял: прежде истории Бог вечен, совершенен, но когда Бог начинает историю, он кажется “буйным, совершает одну ошибку за другой”. Ильин выразился так: “Погружение Божества в эмпирическое существование сделало то, что жизнь его утратила свое единство, свою логическую разумность и свою органическую целесообразность”.

С точки зрения Ильина, наш мир с фактами и страстями бессмыслен: “мир чувственного бывания” не может быть “оправдан”. Чувственное — это зло. Бог, создавая мир, ошибся. Он поддался “романтическому” порыву и создал нас, движимых половым влечением. Поэтому “романтическое содержание одерживает верх над рационалистической формой”, а мысль уступает место немисии и физической любви. Бог оставляет нас с “духовным релятивизмом”.

Порицая Бога, Ильин выводит вперед философию, точнее — философа, еще точнее — самого себя. Он хранит образ божественной “всеобщности”, предшествовавшей сотворению мира, и желает указать, как ее восстановить. Уводя с подмостков Бога, Ильин сам берется судить о сущем и должном. Есть божественный мир, его нужно спасти, и этот священный труд возложен на тех, кто уяснил — благодаря книгам Ильина — свое бедственное положение.

Это тоталитарный взгляд. Нам следует стремиться к такому состоянию, когда мы станем мыслить и чувствовать одинаково, то есть вовсе не будем мыслить и чувствовать. Мы

должны перестать быть личностями. “Зло начинается там, — писал Ильин, — где начинается человек”. Само по себе существование единичного указывает на то, что мир порочен: “Эмпирическая разделенность единичностей есть неверное, не окончательное, метафизически не истинное состояние мира”. Ильин презирал средний класс, гражданское общество и частную жизнь, которые, как он считал, мешают восстановить “истинный порядок и строй бытия”. А слой, который предлагает улучшение жизни, по Ильину, “образует низшую ступень социального бытия”.